

Виктор Пелевин

Свет горизонта

ФТМ

Виктор Олегович Пелевин
Свет горизонта
Серия «Дима и Митя», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123028
Фокус-группа: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-4467-2767-4*

Аннотация

«Мир состоял из двух пересекающихся под прямым углом плоскостей, и сначала было неясно, какую из них считать вертикальной, а какую горизонтальной, – все зависело от положения наблюдателя и его личной гравитационной ориентации. На первой плоскости сидели два серебристо-серых мотылька. По другой медленно двигалось что-то темно-коричневое, как бы состоящее из двух частей. Сначала оно было слишком далеко, чтобы про него можно было сказать что-то определенное...»

Виктор Олегович Пелевин

Свет горизонта

(А) Ввиду беспределности знания остается очень немного из того, что еще должно быть познано, например, светлячок в бесконечном пространстве.

«Йога-сутра» Патанджали

Мир состоял из двух пересекающихся под прямым углом плоскостей, и сначала было неясно, какую из них считать вертикальной, а какую горизонтальной, – все зависело от положения наблюдателя и его личной гравитационной ориентации. На первой плоскости сидели два серебристо-серых мотылька. По другой медленно двигалось что-то темно-коричневое, как бы состоящее из двух частей. Сначала оно было слишком далеко, чтобы про него можно было сказать что-то определенное. Потом оно приблизилось, и стал виден жук-навозник. Тогда стало ясно, что поверхность, по которой он перемещается, – это пол: даже если бы сам жук мог ползти по стене, держась на каких-нибудь присосках, навозный шар, который он толкал перед собой, сразу упал бы. Поэтому та плоскость, на которой сидели два мотылька, несомненно, была стеной.

– Погляди на него, – сказал один мотылек другому. – Что ты видишь?

Второй мотылек внимательно взгляделся в коричневый шар.

– Его дочь учит испанский язык, – сказал он, – и это довольно дорого обходится их семье. Он хочет ехать отдыхать в Хургаду и только что пережил серьезный домашний скандал по этому поводу... А сейчас он думает о шляпе из пальмового листа, которая висит в комнате у его дочери. Причем по какой-то причине он настолько погружен в мысли об этой шляпе, что я вижу ее во всех подробностях, как на снимке с хорошим разрешением. Вот и все. Я имею в виду, все его особенности.

– Неплохо, – сказал первый мотылек. – Но я говорю не про его шар. Я говорю про него самого. Погляди на его голову.

– Ага, – сказал второй мотылек. – Вижу. Маленькое зеркальце, как у отоларинголога. Я никогда раньше не замечал, что у скарабеев такие на голове. Как оно называется?

– Оно не называется никак.

– То есть?

– Имена всему дают скарабеи. Но никто из скарабеев даже не догадывается об этом зеркальце на собственной голове.

– У него совсем нет имени?

– Совсем. И не только у него. Имени нет ни у одного предмета. И ни у одного насекомого. И ни у одного животного. Имена есть только у скарабеев.

– Тебя зовут Дима. А меня Митя. Разве это не наши имена?

– Так нас звали, когда мы были жуками-навозниками. Теперь нас не зовут никак.

– Хорошо, но ведь можно, например, сказать, что ты ночной мотылек? Это ведь тоже имя?

– Даже если скарабей называет одно насекомое ночным мотыльком, другое – мухой, а третье – комаром, это все равно его собственные имена. Ни одно существо, которому навозники дали имя, даже не подозревает об этом.

Митя задумался.

– А собаки? Или кошки? Они же узнают свое имя, когда их позовешь?

– Ничего подобного. Они не знают, что это имя. Для собаки это просто звук, после которого ей дадут поесть. Хотя я слышал и такую точку зрения: якобы самые умные из собак полагают, что скарабей, подзывающий их к себе, выкрикивает свои собственные имена. Самые продвинутые собаки подозревают, что скарабею стало одиноко и страшно после того, как он дал себе имя, и он все время зовет на помощь. Поэтому, чтобы объяснить ему, что они с ним, несмотря ни на что, собаки отвечают ему громким сочувственным лаем...

– А почему скарабеи дают имена всему, что видят?

– Кто тебе сказал, что они дают имена всему, что видят?

– Ты. Только что.

– Нет, я этого не говорил. Скарабеи не дают имена тому, что видят. Все совсем наоборот – они видят только имена, которые они всему дают. Вот, например, эти цветы на под-

оконнике. Или этот закат за стеклом. Что это такое на самом деле, не знает никто. Но скарабеи научили нас вынимать свою коллекцию бирок и сверяться с надписями на них до тех пор, пока не выпадут слова «цветы» и «закат».

– Допустим, – сказал Митя. – Но ведь бирки всегда вешаются на что-то. На что мы их вешаем?

– Хороший вопрос... Тебе случалось в детстве шарить биноклем по чужим окнам в поисках бесплатного стриптиза?

– А какое это имеет...

– Самое прямое. Случалось?

– Было дело.

– Тогда ты, видимо, знаешь, с какой охотой ум принимает за ожидаемое все, что угодно, – то таз, висящий на стене, то край ковра, то подушку, то складку одеяла. Был такой писатель Набоков, который замечательно описал этот процесс применительно к ярлыку «нимфетка», который он сам же и выдумал. Но если мы начнем выяснять, на что вешается этот ярлык, мы каждый раз будем упираться в другую бирку – «одеяло», «таз», «подушка», «локоть одинокого курильщика» и так далее. Начнем искать, на чем висят другие бирки – упремся в новые, и так до бесконечности. В этом пространстве ярлыков и бирок все похоже на примечание к другому примечанию, все опирается друг на друга, как этажи вавилонской башни, уходящей в дурную бесконечность. Если ты попытаешься найти фундамент, на котором стоит эта башня, или слово, к которому было сделано самое первое примеча-

ние, ты не сможешь этого сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.